

О.С. Муравьева

«Бесы»

«Бесы (1830) — первое из стихотворений, написанных Пушкиным в «болдинскую осень». Однако в эти дни (авторская помета в рукописи — «7 сент. 1830») происходит лишь окончательная отделка стихотворения, черновики которого датируются концом октября — началом ноября 1829 года, чем и объясняется появление в теплом сентябре стихотворения о метельной зиме. Возможные литературные источники (III песнь «Ада» «Божественной комедии» Данте, «Бесенок» Е. Баратынского (1828), стихотворный цикл П. Вяземского «Зимние карикатуры» (1828)) могли определить лишь отдельные мотивы пушкинского стихотворения (круговое вихреобразное движение, сочувственные интонации по отношению к бесам, описание метели), но не общий его замысел.

К романтической балладе в народном стиле тяготеют: событийный план стихотворения (заблудившийся ночью путник, ставший жертвой нечистой силы), фольклорные образы («бес», «чистое поле»), искусно нагнетаемая атмосфера тревоги и страха. В черновике имелся подзаголовок «Шалость», наводящий на мысль о своего рода мистификации, искусной, но ироничной стилизации под народную балладу. Народнопоэтический характер стихотворения подчеркивали В. Белинский, П. Анненков и В. Брюсов (последние два автора настаивали на восстановлении подзаголовка «Шалость»). Споры о правомерности этого подзаголовка ведутся и по сей день, но, скорее всего, Пушкин не случайно от него отказался: первоначальный замысел поэта претерпел существенные изменения.

В ходе работы Пушкин последовательно избавлялся от забавных сказочных образов (кувыркающийся бес, бесенок, мяукающий, как котенок, и пр.), своей зримой конкретностью разрушающих ощущение тайны. В стихотворении используется целый ряд литературных приемов, призванных внушать чувство страха. (Своеобразная поэтика страшного была разработана в готическом романе, немецкой романтической повести, литературных балладах, в частности в балладах Жуковского). Время действия — ночь; место действия — пустынное неведомое место. «Чистое поле» — это не конкретный пейзаж, а абстрактный фольклорный образ. Пространство непроницаемо для зрения: «мутно небо, ночь мутна», «хоть убей, следа не видно». В этой плотной тьме, «в мутной месяца игре» ясно видны только фантастические существа — бесы. Пространство замкнуто: все находится в движении (тучи «мчатся», бесы «мчатся», кони «снова понеслись»), но движение идет лишь по кругу, в этот круговорот равно вовлечены и люди, и страшная их нечисть («сил нам нет кружиться доле», «закружились бесы разны»). Прямые повторы и параллельные синтаксические конструкции («Мчатся тучи, вьются тучи»; «Мутно небо, ночь мутна»; «Еду, еду в чистом поле»; «Страшно, страшно поневоле») определяют напряженный ритм, напоминающий заклинание или заговор. Сама композиция «Бесов» создает впечатление изнурительного бессмысленного движения в замкнутом круге; трижды (в начале, в середине и в конце стихотворения) повторяется одно и то же четверостишие:

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна.

Стихотворение, таким образом, все время возвращается к своему началу, тоже движется по кругу. Только в самом конце возникает «беспредельная вышина», в которой мчатся бесы, и сами они «бесконечны». Но внезапное расширение горизонта не дает освобождения: путник так и остается в круговороте метели, а мчащиеся бесы тоже не свободны, а гонимы неведомой силой.

В стихотворении два персонажа: путник («барин») и ямщик. Каждый из них видит своих бесов; ямщик — беса-озорника, оборотня, который «играет», «дует», «плюет», принимает облик то «версты», то «искры малой». Путник же видит «духов», занятых своими непонятными делами и отчего-то вызывающих жалость, «надрывающих сердце» своим визгом и воем. Были ли бесы на самом деле или только примерещились и барину, и ямщику; почему путники сбились с дороги и чем закончится их путешествие, — все это остается неясным.

В произведениях Пушкина бес не только часто упоминается, но и не раз выступает в качестве конкретного персонажа («Монах», «Гавриилиада», «Сказка о попе и работнике его Балде» и др.). Функции и характер этого персонажа у Пушкина различны, но в целом его представления о бесе соответствуют фольклорным.

Бес в народной демонологии — обычно представитель «домашней» нечистой силы, как-то уживающейся с людьми. Он наделяется зримым безобразным обликом и человеческими, в сущности, пороками: вредит, обманывает, соблазняет. В то же время с ним можно заключить договор и даже прибегнуть к его помощи. Среди нескольких десятков синонимов слова «бес», перечисленных в словаре В. Даля, есть почти ласкательные: блазнитель, игрец, луканька. Так простодушно и добродушно относится к бесу и ямщик из пушкинского стихотворения: «Посмотри, вон, вон играет...» Различение нечистой силы в народных поверьях связано не с ее действиями, а с местом ее обитания (домовой — в доме, леший — в лесу, водяной — в воде и т. п.). Таким образом, пушкинские «бесы разные», видимо, не разнообразные, а именно разные бесы. Предположение путника, что они могут оказываться в человеческих ситуациях («Домового ли хоронят, / Ведьму ль замуж выдают?»), перекликается с речью ямщика и вносит в текст приглушенную шутливую интонацию, не разрушающую, однако, общей тревожной и таинственной атмосферы стихотворения.

Описание метели в «Бесах» во многих деталях перекликается с описаниями метели в «Капитанской дочке», в «Метели», в «Зимнем вечере». Очевидно, это объясняется не только одним и тем же предметом описания, но и особой семантикой метели в пушкинских произведениях. В народных суевериях во время метели вступает в свои права нечистая сила, враждебная и неподвластная человеку. Возможно, эти представления в какой-то мере отозвались в пушкинских образах. У Пушкина именно в метель с героями происходят события, определяющие их дальнейшую судьбу (Гринев знакомится с Пугачевым, Владимир навсегда теряет невесту). Бытовые случайности становятся спасательными или роковыми, и само метельное пространство приобретает черты особой тайной значительности. В «Бесах» с героем ничего странного или страшного не происходит, но вся атмосфера стихотворения такова, что все может произойти. Страх, тоска и неизвестность, гнетущие героя и передающиеся читателю, не находят исчерпывающего рационального объяснения и заставляют искать в стихотворении некий скрытый смысл.

«Бесы» интерпретировались то предельно широко — как символическое изображение жизни человека, заблудившегося или заблудшего (такое прочтение поддерживается устойчивой и актуальной именно для Пушкина метафорой пути как жизненного пути), то очень узко — как выражение общественной атмосферы («мутной ночи») России конца 1820-х или же психологического состояния поэта накануне женитьбы. Ни одна из подобных интерпретаций не может претендовать на историко-литературную доказательность, хотя само их появление вполне закономерно. Суггестивная сила поэтического текста столь велика, что стихотворение словно стремится вылиться в какое-то важное обобщение. Но выводы и обобщения так и остаются здесь не высказанными, а лишь предполагаемыми. Символика «Бесов» не переводится на язык логических понятий, но продуцирует устойчивые ассоциации философского и историософского характера. Символический смысл стихотворения подчеркнул Достоевский, поставив два четверостишия из него эпиграфом (наряду с другим эпиграфом — евангельской притчей об изгнании

легиона бесов) к своему роману «Бесы», и тем самым актуализировал художественное содержание стихотворения в новом контексте философского романа.